

На правах рукописи

Куган Екатерина Ивановна

**ПЕРЦЕПТИВНЫЕ КОНЦЕПТЫ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ
(на материале произведений Б. Пастернака и М. Пруста)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Белгород – 2017

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Седых Аркадий Петрович

Официальные оппоненты: **Попова Татьяна Георгиевна,**
доктор филологических наук, профессор
Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации, профессор кафедры английского языка

Семененко Леонид Павлович
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»,
профессор кафедры английской филологии

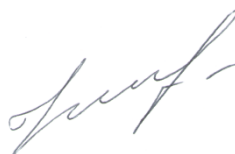
Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»**

Защита состоится 1 июня 2017 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.015.03 при ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 308015 г. Белгород, ул. Победы, д. 85, корпус 12, к. 5-16.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», а также на сайте www.bsu.edu.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

И.А. Куприева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению способов вербализации перцептивных концептов в художественном дискурсе в качестве лингвосомиотической основы для выявления сущностных характеристик языковой личности, в частности языковых личностей русского писателя Бориса Леонидовича Пастернака (1890-1960) и французского писателя Марселя Пруста (1871-1922).

Кардинальные трансформации в сферах социальной и индивидуальной деятельности последних десятилетий, как в России, так и во всём мире приводят к тому, что креативная личность становится всё более и более востребованным субъектом полноценных отношений на всех уровнях не только гуманитарного, но и экономического развития общества. Формирование личности инновационного типа невозможно представить не только без создания полноценных условий для её эволюции и развития, но и без обращения к образцовым моделям творческих личностей: художников, музыкантов, писателей. Читатель как гражданин страны должен ощущать свою причастность к национальной литературе и через неё – причастность к мировому лингвокультурному наследию.

Одним из «проводников» в мировую языковую культуру является языковая личность национального писателя. К сожалению, в последние десятилетия таким проводником становится Интернет. В эпоху кризиса языкового мышления и языковой практики (речь идёт в первую очередь об общеевропейских коммуникативных тенденциях к агрессивной языковой некомпетентности) назревает необходимость в общекультурной реабилитации языковой личности писателя. Классическая литература, в частности российская и французская, обладает достаточным потенциалом писательских индивидуальностей, объединяющих «энергетические» центры для формирования высоких лингвокультурных моделей мировосприятия, а также элементов образцовой концептосферы.

Степень научной разработанности проблемы. Способы вербализации авторской концептосферы и манифестаций языковой личности в пространстве дискурсов различного типа не раз становились объектом исследования, как в отечественном [Апресян 1995; Аскольдов-Алексеев 1997; Богин 1994; Карасик 2002; Караулов 1989; Седых 2013; Сиротинина 1998], так и зарубежном языкознании [Braudel 1990; Hagège 1987; Jackendoff 1984; Kerbrat-Orecchioni 2000].

Вместе с тем, до сих пор не определён эпистемологический и лингвокультурный статус языковой личности писателя, в частности центральных фигур литературного мира Бориса Леонидовича Пастернака и Марселя Пруста, отсутствует также исчерпывающее концептологическое и лингвоперсоналогическое описание дискурса вышеупомянутых авторов, что и определяет **актуальность** темы исследования.

Объектом исследования выступают дискурсные манифестации языковой личности писателя.

Предметом изучения избраны способы художественной перцептивной вербализации личностей российского писателя Б.Л. Пастернака и французского писателя М. Пруста.

Материал для исследования: литературное наследие русского и французского писателей, в частности роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» (также рассматривается ряд опорных поэтических произведений русского автора) и роман М. Пруста «В поисках утраченного времени». Общий объём проанализированного материала – более 5000 лексем и около 3000 словесных комплексов.

Цель исследования – выявить сущностные признаки языковых личностей Б.Л. Пастернака и М. Пруста. Поставленная цель обуславливает решение следующих **задач**:

1) дать характеристику художественной концептосфе и дискурсу, основам идиолектного тезауруса и повествовательных конструкций с учётом достижений современного языкознания;

2) определить концептологический статус писательского дискурса;

3) выявить перцептивные характеристики дискурса Б.Л. Пастернака и М. Пруста;

4) смоделировать типологию перцептивных доминант языковых личностей русского и французского писателей.

Теоретическую основу исследования составляют работы:

– в области изучения проблем языковой личности: С.Г. Воркачева, В.В. Воробьёва, Ю.Н. Караулова, К.Ф. Седова, А.П. Седых, О.Б. Сиротининой;

– в области общих проблем теории языка и коммуникации: А. Вежбицкой, Ж. Гийома, В.В. Дементьева, В.Г. Зинченко, Г.Г. Почепцова, С.Г. Тер-Минасовой;

– по исследованию дискурсов различного типа: В.И. Карасика, В.Б. Касевича, Н.А. Красавского, Л.Н. Макарова, А.В. Олянича;

– в области лингвостилистики художественного текста: И.В. Арнольд, Л.Г. Бабенко, И.А. Банниковой, И.Р. Гальперина, К.А. Долинина, С.Ю. Завадовской, О.С. Сапожниковой, В.К. Харченко;

– в области функционирования языка и знака: Н.Д. Арутюновой, Э.М. Береговской, В.Г. Гака, С.О. Карцевского, С.Д. Кацнельсона;

– по изучению фразеологии и художественного дискурса: Н.Ф. Алефиренко, А.С. Гафаровой, Н.В. Кулибиной, Поповой Т.Г., Е.А. Федоркиной, О.В. Четвериковой;

– по исследованию проблем лингвоперсонологии: Т.Н. Галинской, Е.В. Евпака, В.П. Нерознака, З.И. Резановой, А.П. Седых.

Методологической базой работы выступает концепция лингвосемиотического подхода к моделированию языковой личности писателя в зеркале авторского художественного дискурса. Базовой моделью анализа способов вербализации личности выступает принцип лингвистической идентификации креативной инстанции дискурса, которая выступает в формате языковой

личности писателя, не всегда совпадающей с реально существовавшим биографическим прототипом.

Методы и приёмы исследования предопределяются поставленными целями и задачами исследования, а также спецификой эмпирического материала. В работе применяются следующие методы: интерпретативный анализ эпизода (ключевого дискурсного фрагмента), с опорой на компонентный анализ языковых единиц с элементами установления языковых и характерологических корреляций; риторический анализ; когнитивно-коммуникативная методика выделения активных семантических зон лексем в рамках их широкого и узкого контекстуального функционирования; элементы металингвистического описания художественного дискурса; симптоматический метод для выявления доминантных признаков языковой личности. Компоненты контрастивных и семно-коннотативных обобщений применяются для реконструирования деталей речевого портрета писателя.

Научная новизна исследования состоит в реализации попытки выделения, анализа и классификации способов вербализации концептосферы русского и французского писателей на основе изучения лингвосенсорного отражения их внутреннего мира и признаков языковой идентичности. В новом ключе осуществлено уровневое комплексное исследование идиолектной терминологии с учётом когнитивно-коммуникативных и этнокультурных составляющих лексических единиц.

Новым является также материал для исследования – картотека высказываний и частотные словари Бориса Пастернака и Марселя Пруста. Результаты анализа высказываний рассматриваемых языковых личностей и найденные подходы являются новыми, а также расширяют представление о художественном дискурсе и о языковой картине мира русской и французской лингвокультур.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Художественный дискурс является разновидностью общенациональной лингвокультуры и обусловлен базовыми параметрами национального языка и коммуникации. Писательская концептосфера акцентируется на авторских представлениях о действительности, при этом художественный дискурс выступает когнитивно-ассоциативной основой реконструирования языковой личности автора литературного произведения.

2. Языковые единицы сенсорной тематики выполняют ряд функций, связанных со способами художественной интерпретации действительности, динамическими моделями её отражения, когнитивными, тематическими и этнокультурными характеристиками языковой личности писателя.

3. Базовой единицей художественного взаимодействия автор ↔ читатель следует считать одностороннюю единицу – высказывание, которая воздействуя на ментальные структуры реципиента (литературного читателя произведения), трансформирует обычный диалогический акт в речевое событие. Единицы художественного дискурса должны обладать когнитивными коррелятами в языковом сознании читателя. Важным элементом активного

восприятия литературного текста выступает явление лингвокультурной аттракции автора.

4. Лингвосенсорное пространство дискурса существует не изолировано от общей тематики произведения, а при помощи ассоциативно-стилистических связей взаимодействует, переплетается, образует общий семиотический континуум, когнитивно-коммуникативный анализ которого позволяет выделить доминантные черты языковой личности писателя. Языковая личность крупного писателя является параметром постоянной семиотической интенсивности. Вне зависимости от периодичности создания законченного литературного продукта, фигура мастера пера обладает яркими аттрактивными признаками, отражёнными в авторском дискурсе, такими как: образцовый язык, приоритет общечеловеческих ценностей, идиолектное мировидение, высокая степень запоминаемости персонажей.

5. Формообразующей и смыслообразующей основой художественного дискурса Б.Л. Пастернака и М. Пруста выступает синергия ольфактивных и густативных концептов, вербализующихся на протяжении большинства текстового пространства романов русского и французского авторов. Доминантной когнитивно-коммуникативной структурой произведений Бориса Пастернака выступает концепт «запах», для дискурса Марселя Пруста центральным элементом построения лингвосемиотической системы романа являются способы вербализации концепта «вкус».

6. Общим элементом организации семиотического пространства произведений русского и французского писателя выступает принцип «лингвистического импрессионизма». Данный механизм состоит в использовании языковых средств с целью акцентуации впечатления от восприятия действительности, дискурсной реконструкции ситуации и её номинативной фиксации в контексте литературного произведения на базе семантической избыточности высказывания. Центральным моментом процедуры выступает формирование визуального ряда для передачи полноты сенсорной палитры художественного дискурса.

7. Языковые личности Бориса Пастернака и Марселя Пруста трактуются как филологические личности и литературные символы русской и французской лингвокультур. Филологические личности и литературные символы следует рассматривать в методологическом плане как ключевой элемент оптимизации познавательной, эстетической и идентификационной функции общенационального языка. Языковые личности писателей трактуются в терминах предпочтительной лингвокреативной архитектоники и коммуникативно-лингвистической доминантности.

Теоретическая значимость диссертации определяется тем, что данная работа вносит вклад в изучение русской и французской языковой картины мира и языковой личности писателя, а также в дальнейшую разработку положений теории языка и коммуникации, лингвистики и лингвосенсорики, относящихся к идиолектной и этнокультурной специфике способов вербализации национальной языковой личности.

Практическая ценность исследования видится в том, что полученные в работе результаты могут быть использованы при разработке вузовских лекционных курсов и семинарских занятий по языкознанию, сопоставительной типологии русского и французского языков, спецкурсов по проблемам языковой личности, теории межкультурной коммуникации, теории и практике перевода.

Апробация работы. Результаты исследования прошли апробацию в докладах на научных конференциях и в сборниках научных трудов: в периодическом рецензируемом научном журнале «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (Тамбов, 2011; 2012), на международных научных и научно-практических конференциях (Москва, 2012; Пенза, 2012; Санкт-Петербург, 2012; Тамбов, 2013; Махачкала, 2014; Тамбов, 2014; Чебоксары, 2014; Екатеринбург, 2014; Вологда, 2016), в научном рецензируемом журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» (Белгород, 2014; Белгород, 2015), в междисциплинарном сетевом научном журнале «Научный результат» (Белгород, 2015), в Международных научных журналах «The scientific heritage» (Budapest, Hungary, 2016) и «Magyar Tudomány Journal» (Budapest, Hungary, 2017). По теме диссертации опубликовано **17 работ, в том числе 4 статьи в журналах, рекомендованных ВАК.**

Структура работы определена темой исследования, его целями и логикой решения поставленных задач. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка литературы и используемых источников, словарей и сокращений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается выбор темы, её актуальность; определяются объект, предмет, цель, задачи и методы исследования; раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; излагаются положения, выносимые на защиту; приводятся сведения об апробации достигнутых результатов.

В *первой главе* «Теоретические предпосылки исследования авторской концептосферы в литературном тексте» раскрываются основные предпосылки изучения языковой личности (ЯЛ) в её взаимосвязи с национальной языковой картиной мира. Данная корреляция была положена в основу исследования и способствовала решению поставленных задач.

Произведения классиков литературы можно рассматривать с различных точек зрения, от бытового восприятия, до филологического анализа низележащих структур. Перед филологической личностью, в частности стоит задача не только приблизиться к пониманию скрытых смыслов художественного произведения, но в определённой мере сделать творчество писателя понятным широкой читательской аудитории. Выявление скрытых смыслов в тексте связано с высоким уровнем мыслительной активности, как в момент

создания произведения, так и в процессе его восприятия читателем или исследователем.

Авторское мышление и связанное с его спецификой мировидение, как правило, манифестируется (выявляется) в особенностях вербализации когнитивных структур, иными словами – концептов. Основой для интерпретации и конструирования гипотетической обобщающей модели языковой личности автора выступает языковой материал (текст, дискурс), который анализируется и описывается в терминах моделизации восприятия, включающего в себя описание и анализ употребления языкового материала. В этом смысле языковая личность (ЯЛ) может быть реконструирована (смоделирована) на базе выявления типологических признаков *индивидуальной концептосферы и тезауруса автора*.

Выявление особенностей вербализации авторских концептов связано с лингвистическим анализом художественного текста, с идентификацией лингвистических правил интерпретации дискурса. При этом *семантические конфигурации авторского текста* отражают определенный тип личности автора. В этом плане авторский текст может рассматриваться как совокупность личностных *мнемонических ресурсов и ассоциативных ходов*, неотделимых от всего склада данной языковой личности, в частности, языковой личности Бориса Пастернака и Марселя Пруста. Кроме того, художественная форма текста, индуцирующая модус языковой экзистенции, дает возможность автономного описания особенностей идиолекта автора как одной из ипостасей языковой личности. Речь идет, в частности, о единстве идиостиля писателя в обозначении ощущений.

Наряду с изучением в творчестве великих писателей этнокультурных особенностей речевого узуса, представляется целесообразным подчеркнуть методологическую значимость языка литературы для коммуникативного поведения нации и его роли в формировании филологической культуры личности.

В этом смысле исследование концептосферы и идиостиля писателя открывает большие возможности для выявления существенных признаков языковой личности писателя. Многочисленные же толкования терминов «концепт», «концептосфера», «идиостиль» отражают широкий спектр подходов, определяемых картиной мира или эпистемологическими акцентами парадигмы научного знания, по отношению к которой позиционирует себя тот или иной исследователь.

Основной единицей анализа выступает высказывание, которое является релевантным материалом для выявления лингвосемиотической значимости фигуры креативной личности для национальной лингвокультуры. При этом следует отметить, что «идиолектное и этнокультурное находятся в диалектическом взаимодействии, являясь частью дискретного процесса актуализации смысла высказывания, поэтому есть все основания использовать художественный текст как основу анализа этнокультурной составляющей композиционно-речевых структур и манифестаций языкотворческой личности писателя. Вместе с тем при анализе литературного текста необходимо учитывать

и экстралингвистические факторы, связанные с коммуникативной компетенцией реципиента художественного сообщения, сформированного как национальная языковая личность в рамках родной культуры» [Куган, Седых 2012: 288].

Вслед за отечественными и зарубежными учёными мы считаем, что языковую личность Марселя Пруста можно отнести к центральному литературному символу современной Франции [Балашова 1999; Brun 2001; Kristeva 1994]. Ещё при жизни писателя его произведения были объектом горячих споров и противоречивых мнений: одни считали его гениальным писателем, другие провозглашали его тексты «скучными и невыносимыми для чтения» (Андре Жид). Сегодня роман «В поисках утраченного времени» является общепризнанным шедевром французской языковой культуры. Современные исследователи говорят о языковой личности Пруста как о «лице-эмблеме французского романа XX в.» [Callu 1994: 274].

Очертим место творчества и личности в российском этнокультурном континууме того, кому критики задним числом дали следующие эпитеты: «Гамлет XX века», «Рыцарь русской поэзии», «Заложник вечности», «Неуставный классик», «Лучезарная душа», «Один на всех и у каждого свой». В современной России произведения Бориса Леонидовича Пастернака наконец-то вошли в школьные программы (ряд стихотворений, роман «Доктор Живаго»). Это не значит, конечно, что для российских школьников книги его стали настольными, отнюдь. К сожалению, широкому читателю необъятной России данный автор также не очень известен. Одной из причин является пресловутая «непонятность» его стихов. По мнению некоторых его современников, стихи поэта отличаются чрезмерной субъективностью и увлечением формой в ущерб содержанию. Нам представляется, что творчество Пастернака (как и его личность) остаётся до конца неразгаданным явлением именно в силу своей органической целостности как внутреннего, так и внешнего миров.

Языковую личность ведущего национального писателя следует рассматривать как лингвокультурный аттрактор. Данное понятие соотносится с понятием архетипа, но имеет в большей степени идеокультурную трактовку. Речь идет о ключевых семиотических узлах культуры, которые располагаются на концептуальных осях, формирующих специфическую для национального языка амплитуду семантических колебаний и направляющих выбор адекватных для каждой культуры языковых средств. Семиотическим узлом национальной культуры выступает мастер слова, значимый (во всех отношениях) для нации [Куган, Седых 2014: 84-85].

Используя методику когнитивно-коммуникативного анализа и выделения активных семантических зон лексем в рамках их широкого и узкого контекстуального функционирования, представляется возможным смоделировать типологию перцептивных доминант языковых личностей писателей. Данная методика предполагает обработку текстового материала в рамках операционной схемы: *сема* → *коннотация* → *концепт* → *прагматика*. Речь идёт о концептуализации текстовой информации как одного из способов

обобщения (генерализации) индивидуального (прошлого, исторического) опыта, который говорящий (автор текста) реализует в семантическом пространстве того или иного высказывания.

Перцептивный аспект человеческой экзистенции манифестируется в соответствующих для данной области языковых формах и структурах, частью которых являются перцептонимы. Коннотативная семантика данного вида языковых единиц понимается как система семантических следствий, культурных предпочтений носителей языка, необходимых для выяснения «коннотативного репертуара» [термин Ю.А. Сорокина, 1987] той или иной лингвокультурной общности в реальных условиях общения.

Вторая глава «Типологические характеристики перцептивной концептосферы в произведениях Бориса Пастернака и Марселя Пруста» выполнена в русле компаративной лингвоперсонологии и посвящена выявлению типологии лингвосенсорики в дискурсе рассматриваемых писателей с целью моделирования их языковых личностей с учётом тематической, эмоционально-экспрессивной и этнокультурной составляющей дискурса.

Наиболее важным для выделения этнокультурных характеристик высказывания представляется уровень актуального содержания и способов вербализации национальных концептов. Остальные уровни учитываются при контрастивном описании анализируемого текста и дополняют сущностные параметры, передаваемые структурой этнокультурного кода, лежащего в основе построения высказываний на национальном языке.

Задача состоит в том, чтобы при помощи лингвистических методов исследовать повествовательную ткань художественного текста, выделить его лексико-семантические (грамматические, стилистические) характеристики, которые могут служить фактическим материалом для создания **перцептивной модели** языковой личности автора.

Язык **запахов** позволяет заглянуть во внутренний мир автора сквозь призму номинаций художественного текста. Пространство художественного произведения, согласно П.А. Флоренскому, может быть построено по типу пространства различных ощущений [Флоренский 2000].

Рассмотрим функционирование ряда ольфакторных номинант в художественном пространстве ряда эпизодов романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Языковой материал романа, вербализующий концепт «запах» может быть распределён в рамках нескольких групп по общности тематических признаков.

Первая группа представляет собой «запахи города и сельской местности», описывающие окружающие реалии «жизнеустройства» русского народа на фоне драматического периода от начала столетия до Великой Отечественной войны: *Пахло началом городской зимы, топтанным листом клена, талым снегом, паровозной гарью и теплым ржаным хлебом* [ДЖ, 859] / *Летняя, ослепляемая солнцем Москва, накаляясь асфальтами дворов, разбрасывая зайчики оконницами верхних помещений и дыша цветением туч и бульваров <...>* [ДЖ, 1204] / *Вверх по галереям шли грязные и скользкие деревянные лестницы. На них пахло кошками и квашеной капустой*

[ДЖ, 864] / *В номере горящую керосиновую лампу <...> перенесли за дощатую перегородку, вонявшую клопами* [ДЖ, 884] / *Так слащаво-приторно и противно (пахнет в деревне). Как мышами <...> Конопля сама по себе издает томящий и назойливый запах падали.* <...> *Трупный запах очень распространен здесь, это естественно* [ДЖ, 927] / *В лицо ему пахнуло сыростью, липкой, как когда в погребке лицом попадешь в паутину* [ДЖ, 1021]. <...> *И всего живитель и виновник, пахнет свежим воздухом навоз* [ДЖ, 1226]; *Запахло сушащимися около печки мелко напиленными дровами: горькой, дерущей горло гарью еловой соды и душистой, как туалетная вода, сырой свежеею осинной* [ДЖ, 980].

В вышеприведённых эпизодах представлены самые разнообразные запахи – от позитивно коннотируемых (*запах ржаного хлеба, талый снег, асфальт дворов, цветенье бульваров, свежий воздух, туалетная вода*), до классически негативных. При этом преобладают «неприятные» запахи (*кошки, мыши, падаль, трупный запах, гарь*), что является одной из семиотических доминант описаний городского или сельского пространства в произведениях Пастернака. Особый интерес для лингвосемиотического изучения представляет репрезентация концепта «запах пыли» (*приволье комнат, чердак*). Рассматриваемый концепт может трактоваться в корреляции с привычными запахами детства, когда ребёнок, исследуя чердачные помещения, открывает для себя мир старых вещей, покрытых пылью и «воспоминаниями» прошлой жизни.

Данный запах нельзя отнести к однозначно негативно заряженным категориям, у Пастернака запах пыли (земли) – это часто запах свободы, равенства и братства: *Так пахла пыль. Так пах бурьян. И, если разобратся, Так пахли прописи дворян О равенстве и братстве* [Лето 1917]. Тем более что рассматриваемый фрагмент начинается строками: *Топтался дождик у дверей, И пахло винной пробкой*. Использование лексемы «**винная пробка**» – внятный намёк на события Великой французской революции 1789 года, когда были провозглашены великие слова и «запущены» в жизнь концепты *Liberté, Égalité, Fraternité*.

Вторая группа охватывает различные запахи природных явлений: <...> *низвергались теплые, землей пахнувшие ливни, смывавшие с земли последние куски пробитой черной ледяной брони* [ДЖ, 1014]. *От травянистого запаха земли и молодой зелени болела голова как на Масленице от водки и блинного угара* [ДЖ, 893]. <...> *путано-пахучий воздух окрестной шири* [ДЖ, 896] / <...> *ночами, которые пахли мокрой землёю* [ДЖ, 934]. *Но в окрестностях был водопад. Он раздвигал границы белой ночи веяньем свежести и воня* [ДЖ, 1015].

В рассматриваемых примерах в большинстве своём для описания природных явлений через ольфакторные ощущения используется приём «одушевления неодушевлённого» – олицетворение: *заговаривающийся ветер, водопад раздвигает границы ночи*. В эпизодах доминирует номинант «запах земли», причём не только по количеству употреблений, но и по семантической наполненности. Он становится фонообразующим и сопровождается од-

нозначно позитивными коннотациями, связанными с особенностями вербализации концепта «свобода» (*пробитая броня, головокружение от воли*). Приведённые эпизоды дистанционно-семиотически перекликаются с поэтическими фрагментами, вербализующими запахи пыли / земли: *Дрожал кустарник в пыльном неглиже / Лучи стоят столбами пыли* [Утро; Тишина 1957].

Третья группа растительных запахов тесно связана с предыдущей группой и образует синергию обонятельной, осязательной, зрительной и густативной перцепции, отражающей взаимодействие разнообразных свойств окружающей действительности: *В номере стоял терпкий, вяжущий запах молодого грецкого ореха в неотверделой зеленой кожуре, чернеющей от прикосновения* [ДЖ, 885]; *А внизу под окном во дворе к запаху ночной красавицы примешивался душистый, как чай с цветком, запах свежего сена* [ДЖ, 944].

Вышеприведённые фрагменты объединяют номинанты запахов в рамках синестетических лексико-семантических построений (*вяжущий запах ореха, веет черняво-белым, запах определяется на глаз, от уныния к запаху полыни, ненастье скользит дымом по запаху игл хвойного бора, от запаха леса к осязанию веника в предбаннике*). В основе формирования смысла эпизодов лежит мультидискретная характеристика авторской перцепции, которая выделяется в содержании концепта «запах» в результате «семантико-смыслового репрофилирования или сдвига» номинаций [термины А.П. Седых 1998].

К наиболее частотным описаниям запахов, связанных с растениями в произведениях Б. Пастернака, можно отнести запах липы. Липа как символ женственности, нежности у славян почиталась не просто как эмблема, но и как дарительница жизни. Липа также считалась деревом Богородицы. Ср.: *Всюду цвели липы. Вездесущее веяние этого запаха как бы опережало шедший к северу поезд <...>* [ДЖ, 956]. *Смотрят хмуро по случаю / Своего недосыпа / Вековые, пахучие, / Неотцветшие липы* [ДЖ, 1232].

В четвертую группу объединены обонятельные номинанты, представляющие собой пищевые запахи, передающие ароматы различных продуктов питания. Ср.: *Облако жилого духа и вкусного пара двинулось ему навстречу* [ДЖ, 865] / *Тоня отказалась от чая и утолила жажду мандаринами, которые она без счета очищала от пахучей легко отделявшейся кожуры* [ДЖ, 903] / *Она через силу глотала душистые куски* [ДЖ, 909] / *В растворенную форточку тянуло весенним воздухом, отзывавшимися свеженадушенной французской булкой* [ДЖ, 997] / *Воздух пахнет блинами и водкой, как на масленой, когда сам календарь как бы каламбурит*. [ДЖ, 1053]. *И она любила сидеть в лавке за кассой, потому что благоухавший крахмалом, сахаром и темно-лиловой черносмородинной карамелью в стеклянной банке фиолетовый сумрак помещения подходил под ее излюбленный цвет* [ДЖ, 1072].

Языковой материал вышеприведённых примеров отличается яркой позитивной аксиологией семантики номинаций запаха: *вкусный пар, пахучая кожа мандаринов, душистые куски, благоухать, осень пахла множеством*

приправ. Ольфактивные образы, связанные продуктами питания, появляются в счастливые благодушные моменты жизни персонажей. Запах вместе с природой становится «персонажем» эпизодов: *облако вкусного пара двинулось навстречу; фиолетовый сумрак благоухает* крахмалом, сахаром, карамелью; *солнце* запаха масленицы *жмурится, сонно, ресницами игол шурится лес, природа зевает, потягивается, переворачивается на другой бок и снова засыпает.* Образ плотного («густого») запаха разворачивается в рамках аккумулятивного способа повествования.

В пятой группе сконцентрированы химические запахи, вербализация которых осуществляется при помощи прямых лексических номинаций (как правило глаголов и существительных): *В подвале пахло формалином и карболкой, и присутствие тайны чувствовалось во всем, начиная с неизвестной судьбы всех этих простертых тел и кончая самой тайной жизни и смерти* <...> [ДЖ, 888]; *Здесь пахло краской и клеем, лежали свертки цветной бумаги и были грудами поставлены коробочки* <...> [ДЖ, 901]; *Когда Гордон проезжал околицей, издававшей запах аптекарской ромашки и йодоформа* <...> [ДЖ, 923]. *Волною хлынул теплый жирный запах замазки* [ДЖ, 980].

Вышеприведённые эпизоды демонстрируют негативную аксиологию по отношению к химическим запахам, номинанты которых, как правило, вызывают ассоциации со смертью, болезнью, войной: *карболка, формалин* → тайна жизни и смерти; *нафталин* → рухлядь (тление); *керосин* → тиф; *угар* → землянка. Тексты содержат ряд терминов материальной среды (*подвал, краска, клей, сундук, комната, землянка*), которые объединены ключевойемой «жилое пространство». Языковой материал вербализует концепт «быт», который у Пастернака играет амбивалентную символическую роль: уюта или мещанства. Коннотационный фон формирует понятийное поле «сильные запахи» (*жирный запах замазки, ясный запах нафталина, душистый угар, сильный запах керосина*), что связано с созданием определённого эмоционального фона временности и бесприютности.

В шестую группу объединяются различные «человеческие» запахи:

1. *Платок издавал смешанный запах мандариновой кожуры и разгоряченной Тониной ладони, одинаково чарующий* [ДЖ, 903].

2. *Детски-наивный запах был задушевно-разумен, как какое-то слово, сказанное шепотом в темноте* [ДЖ, 903]. *Юрий Андреевич с блаженным чувством чистоты сидел за оконным столом спиной к комнате, в которой Лара благоухающая, запахнутая в купальный халат, с мокрыми, замотанными мохнатым полотенцем в тюрбан волосами* <...> [ДЖ, 1165].

3. *В прозрачность заплаканных дней целиком / Губами и глаз полыханьем Впиваешься, как в помутнённый флакон / С невыдохшимися духами* [Осень 1917].

Как видим, в данной группе эпизодов сосредоточены ольфактонимы позитивной аксиологии (*чарующий запах, благоухание, духи*). Катализаторами перцептивного фона предложений-высказываний выступают аккумулятивные структуры, и словосочетания *платок* → *чарующий запах кожуры и*

ладони; детский запах → слово в темноте; чистота → благоухание; запах духов → воспоминание о любимой женщине.

Следует обратить особое внимание на эпитет **задушевно-разумный**, который сам по себе является пастернаковским неологизмом, а в сочетании со словосочетанием **детски-наивный** в применении к лексеме **запах**, вызывает клубок ассоциаций, связанных с детскими впечатлениями.

Седьмая группа: абстрактные запахи, которые находят отражение в употреблении номинантом, передающих общую идею запаха, в совокупности с отвлеченными качествами объектов: *Тогда, как телеграмма, поданная в дороге, или как поклон из Мелюзеева, вливалось в окно знакомое, точно к Юрию Андреевичу адресующееся благоухание* [ДЖ, 956].

Проанализируем специфику функционирования ольфакторных номинаций в цикле романов **Марселя Пруста «В поисках утраченного времени»** для выявления признаков индивидуальной концептосферы писателя.

С целью выявления типологических характеристик ольфактонимов языковой материал романа Пруста может быть сгруппирован в рамках следующих тематических кластеров: запахи города и сельской местности, запахи природы, растительные запахи, пищевые запахи, химические запахи, человеческие запахи, абстрактные запахи.

Первая группа представляет собой запахи свойственные городу и сельской местности. Cf.: <...> *la chambre d'une odeur de suie, en faisait comme un de ces grands «devants de four» de campagne* <...> (комната с запахом сажи, совершая как один из этих больших деревенских «перед печью») [RTP, CS, 106]; <...> *l'ombre que faisait le store du magasin où tatan entrerait peut-être avant la messe, dans une odeur de toile écrue* <...> (тень, которую создавала штора магазина, куда возможно бы вошла мама до мессы, в запах некрашеного полотна) [RTP, CS, 137]; <...> *l'odeur d'un chemin me faisaient arrêter* (запах дороги заставил меня остановиться) [RTP, CS, 335]; *l'odeur des jardineries* (запах магазина, торгующего садовым инвентарём) qui donnaient au mari d'abominables crises d'asthme [RTP, CS, 435].

Вторая группа охватывает различные запахи природы. Cf.: <...> *une odeur de feuilles* <...> (запах листьев) [RTP, CS, 380]; le reflet des lampes qui se sont éteintes et *l'odeur des charmillles* (запах грабовых деревьев) qui ne fleuriront plus [RTP, CS, 374]; *une odeur de vieux bois* (запах старого леса) [RTP, CS, 386].

Третья группа, описывающая растительные запахи тесно связана с предыдущей и формирует не только обонятельный, но и осязательный образ, отражающий разнообразие значимых для человека свойств окружающей действительности. Cf.: <...> *j'avais été intoxiqué moralement par l'odeur inconnue du vétiver* (я был морально опьянен незнакомым запахом ветивера) [RTP, CS, 17]. Аромат *vétiver* (ветивера) создает у читателя опьяняющее ощущение. <...> *je montais sangloter tout en haut de la maison à côté de la salle d'études, sous les toits, dans une petite pièce sentant l'iris, et que parfumait aussi un cassis sauvage poussé au dehors entre les pierres de la muraille et qui passait une branche de fleurs par la fenêtre entr'ouverte* (Я поднимался рыдая наверх, ря-

дом с классом, под крышей, в маленькую комнату пахнущую ирисами, и наполненную ароматами дикой смородины, росшей снаружи между камнями стены и просунувшей цветущую ветвь в открытое окно) [RTP, CS, 26]. Внутренняя атмосфера дома передается автором «запахом ириса и ароматом дикой смородины» (*l'iris, un cassis sauvage*).

Четвёртая группа объединяет различные пищевые запахи: <...> *des soupiraux de laquelle montait une odeur de cuisine qui s'élève encore par moments en moi aussi intermittente et aussi chaude* <...> (вздохами поднимался кухонный аромат, возрастающий мгновениями во мне такими прерывистыми и такими теплыми) [RTP, CS, 103]; *une odeur amère et douce d'amandes* (запах миндаля) [RTP, CS, 241]; *parfum des carottes* (аромат моркови) [RTP, JFF, 62].

Пятая группа абстрактных запахов находит отражение в употреблении номинантом, передающих общую идею запаха, в совокупности с отвлеченными качествами объектов. Cf.: <...> *et où, le feu étant entretenu toute la nuit dans la cheminée, on dort dans un grand manteau d'air chaud et fumeux, traversé des lueurs des tisons qui se rallument, sorte d'impalpable alcôve, de chaude caverne creusée au sein de la chambre même, zone ardente et mobile en ses contours thermiques, aérée de souffles qui nous rafraîchissent la figure et viennent des angles* <...> (там где огонь, поддерживаемый всю ночь в камине, спят в большом пальто из теплого дымного воздуха, пронизанного отблесками воспламеняющихся головней, своего рода неосязаемый альков из теплой пещеры созданной внутри самой комнаты, горячей и мобильной зоны в своих термических контурах, проветриваемой выдохами, охлаждающими наше лицо) [RTP, CS, 16].

Как видим, ольфакторный мир Бориса Пастернака и Марселя Пруста играет важную роль в построении художественного пространства произведений русского и французского авторов. Имеющие общезыковую природу ольфакторные концепты М. Пруста и Б. Пастернака отражают идентичную или схожую внеязыковую действительность в рамках различных лингвокультур, манифестируя подобие и различие структур перцептивного дискурса. Причинами расхождений являются различные языковые средства, культура, национальный менталитет, субъективное отражение внеязыкового мира в сознании. Схожесть прослеживается в ассоциативности художественного мышления, выявлении метафорических, метонимических эпитетов с ярко выраженными ольфакторными номинантами с синестетической моделью мироощущения.

Рассмотрим способы вербализации концепта «**вкус**», который также обладает активным структурирующим дискурсным потенциалом семиотического развертывания в произведениях русского и французского писателей. Номинанты вкусовых ощущений содержат указание не только на непосредственный элемент сенсорного восприятия, но и могут характеризовать фрагменты эстетической картины мира субъекта лингвопродуктивной деятельности.

Рассмотрим языковой материал романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» и в плане выявления способов передачи особенностей перцептосферы при помощи **густатонимов**.

Анализ пастернаковских текстов позволяет выделить как минимум **шесть позиций**, репрезентирующих компоненты густативной перцептосферы автора:

1. Вкус-обоняние.

Облако жилого духа и вкусного пара двинулось ему навстречу [ДЖ, 864]. В представленном примере обонятельное значение формируется на основе употребления густатонима **вкусный**, который передаёт читателю ощущение тепла и уюта жилого дома. Синестетическая метафора *вкусный пар* представляет картину ароматов аппетитной пищи, доставляющих удовольствие, вызывает представление о приятной обстановке обитаемого пространства.

Осень пахла этим горьким коричневым листом и еще множеством других приправ [ДЖ, 1094]. Густативное прилагательное *горький* придаёт запаху остроту и пряность, создавая впечатление возможности не только обонять, но и осязать один из сезонов времени года – осень. При этом, одновременное ощущение является определенным подтверждающим фактом того, что концепт «вкус» и «запах» непосредственно взаимодействуют друг с другом, создавая условия для функционирования синестетической метафоры.

2. Вкус-зрение.

Соответствие зданий по обеим сторонам проезда, лепные парадные в хорошем вкусе, книжная лавка, читальня, картографическое заведение, очень приличный табачный магазин, очень приличный ресторан, перед рестораном – газовые фонари в круглых матовых колпаках на массивных кронштейнах [ДЖ, 872]. Данный языковой материал описывает окружающую героя обстановку, как нечто красивое и прекрасное, а синестетическое выражение *хороший вкус* сразу вызывает положительное эстетическое восприятие обрамляющей действительности.

И вот в завал этой мраморной и золотой безвкусицы пришел этот легкий и одетый в сияние, подчеркнуто человеческий, намеренно провинциальный, галилейский, и с этой минуты народы и боги прекратились и начался человек, человек-плотник, человек-пахарь <...> благодарно разнесенный по всем колыбельным песням матерей и по всем картинным галереям мира [ДЖ, 872]. В данном случае словосочетание *золотая безвкусица*, подчеркивает избыток золотого цвета, его чрезмерное использование создает ощущение отсутствия вкуса, хвастовства. К тому же, писатель противопоставляет это словосочетание простоте, побуждая тем самым читателя прийти к выводу о бренности и преходящести эстетических основ человеческого существования.

3. Вкус–осязание.

У доктора от недосыпу ломило голову. Сладкий туман, как с похмелья, стоял в ней и ноющая, блаженная слабость во всем теле [ДЖ, 1168]. Исследуемый элемент синестезии *сладкий туман* осмысливается как блажен-

ное удовольствие героини, как чувство легкости и умиротворения. Подобное чувственное удовольствие, получаемое человеком от вкусовых и осязательных ощущений, трактуется в дискурсной картине мира Б. Пастернака как целостная часть объективной реальности, репрезентируемой соответствующими концептами.

4. Вкус–запах–звук.

Юрия Андреевича окружала блаженная полная счастья, сладко дышащая жизнью тишина [ДЖ, 1166]. Рассматриваемое высказывание наполнено внятной художественно-концептуальной информацией, где *тишина* – это полное отсутствие звука, покой и безмятежность, а наречие *сладко* и причастие *дышащая* объединяют существительное *жизнь* синестетической вербализацией концептов «вкуса», «запаха» и «звука».

5. Вкус–осязание–зрение.

Снег желтел под лучами полдня и в его медовую желтизну сладким осадком вливалась апельсиновая гуща рано наступавшего вечера [ДЖ, 1168]. Ассоциативный ряд перцептонимов (*желтизна* → сладость мёда, *апельсина* → густота вечера) актуализирует одновременно три ощущения: *зрение, вкус, осязание*. При этом доминирующим элементом вербализации выступает концепт «вкус», функционируя в основном как носитель положительных смыслов. Венчает эпизод синестетическая метафора *гуща вечера*, которая придаёт отрывку семиотическую плотность и образную недискретность.

6. Вкус–запах–осязание–зрение.

Юрий Андреевич с жадностью вдыхал сложную пряность ледяного моченого воздуха, горькой суши, сладкой сырости и синего сентябрьского угара <...> [ДЖ, 1094]. Этот образец является редким случаем одновременного сочетания ощущений подобного типа. Словосочетания: *пряность воздуха, горькая суша, сладкая сырость* придают атмосфере «терпкость», вносят привкус горечи. В свою очередь, *ледяной моченый воздух* через тактильные ощущения манифестирует смешанные признаки воздуха, а *синий сентябрьский угар* передаёт насыщенный цвет неба с осенним запахом.

Как видим, густатонимы в дискурсе Бориса Пастернака выполняют скорее фоновую семиотическую функцию, эволюционируя в тексте в рамках синестетических метафор и метонимий, акцентируя внимание на эстетической подоплёке реальности. Следует подчеркнуть, что концепт «вкус» чаще всего вербализуется в контексте ольфактивных ощущений.

Переходим к рассмотрению особенностей передачи индивидуальной перцептосферы в русле репрезентаций концепта «вкус» в тексте романа Марселя Пруста «В поисках утраченного времени».

Рассмотренный материал эпизодов и фрагментов с густативной символикой позволяет говорить о важной роли ассоциативных рядов, эволюционирующих в рамках синестетических метафорических конструкций французского писателя. В качестве иллюстрации данного тезиса приведём ряд примеров:

1. Вкус-запах-цвет:

goût (saveur) ↔ odeur ↔ image (couleurs remuées)

Ex.: *j'avais si longtemps rêvé, serait connaître le goût, la saveur, d'une couleur bien souvent regardée. On a vu une femme, simple image [CS, 236]; qui se souviennent, ne mettaient pas sous ces couleurs la saveur et la consistance, tant qu'unie aux sens et à l'imagination ...* (... познать вкус, запах, цвет ... под этим цветом ощущалась густота, связанная с чувствами и воображением) [CS, 357].

2. Зрение-вкус-запах-осязание:

sensations visuelles ↔ saveur ↔ odeur ↔ toucher

Ex.: ... *visuelles quand je regardais Albertine, des sensations de saveur, d'odeur, de toucher. Depuis, des sensations plus profondes ...* (визуальные ощущения накладывались на вкусовые, ольфактивные и осязательные, создавая эффект глубины ...) [CS, 394].

3. Зрение ↔ цвет ↔ слух ↔ вкус:

esquisse au crayon ↔ couleurs de l'orchestre ↔ fromage à la crème rose

devant les aubépines comme devant ces chefs-d'œuvre <...> dont nous n'avions vu jusque-là qu'une esquisse au crayon, si un morceau entendu seulement au piano nous apparaît ensuite revêtu des couleurs de l'orchestre <...> En effet c'était une épine, mais rose, plus belle encore que les blanches <...> Moi-même j'appréciais plus le fromage à la crème rose, celui où l'on m'avait permis d'écraser des fraises. Et justement ces fleurs avaient choisi une de ces teintes de chose mangeable <...> tel brillait en souriant dans sa fraîche toilette rose, l'arbuste catholique et délicieux (перед лепестками боярышника, похожими на шедевр ... карандашный эскиз любимого художника ... музыкальная фраза, расцвеченная оттенками оркестра ... вкус сыра с розовым кремом ...) [CS, 138/216].

4. Цвет-вкус-цвет-осязание:

couleur de fruit → saveur → saison des fleurs → zéphyr sous les arbres fruitiers

Ex.: ... *je fais le vide devant lui, je remets en face de lui la saveur encore récente de cette première gorgée et je sens tressaillir en moi ... doit être l'image, le souvenir visuel, qui, lié à cette saveur, tente de la suivre jusqu'à moi. Mais il se débat trop loin ...* (претворение цвета плода во вкус, потому что вареный плод словно возвращается к поре цветения. Пурпуровый, как весенний сад, или же бесцветный и свежий, как ветерок под фруктовыми деревьями, сок предоставляет вам возможность втягивать в себя его аромат и разглядывать его не спеша, а принц Агригентский вечно мешал мне насладиться им. Но соки не вытесняли ни оранжада, ни липового цвета ...) [CG, 513].

Приведённые элементы ассоциативных рядов и выборочные примеры позволяют наглядно показать один из ведущих принципов прустовского повествования – синхронное использование номинантов различных органов чувств. В результате создаётся нечто вроде перцептивной симфонии, лингвистическую «партитуру» которой приходится читать внимательно и сочувствующему читателю.

Согласно писательской «философии» Пруста ностальгические структуры аффективного сознания (*intelligence émotionnelle*) являются неотъемлемой частью человеческого сознания. Данные инстанции действуют на уровне безотчётных процессов и в момент их зарождения устраняют дихотомию прошлое/настоящее. В этом плане, согласно концепции французского писателя, доминирующим временем человеческой экзистенции является «прошедшее время», которое в определённой мере существует благодаря перцептивной (густативной и ольфактивной) памяти.

Перцептивные номинации и лексемы, вербализующие концепт «вкус» в композиционно-речевых единствах свидетельствует о том, что они активно формируют идиолектные параметры художественного дискурса Б. Пастернака и М. Пруста. Коннотативный макрокомпонент густатонимов с одной стороны является ярким выразительным средством авторского языка, с другой – манифестирует когнитивно-коммуникативные параметры языковой личности писателей. Вместе с тем перцептивные предпочтения рассматриваемых авторов отражаются в неравномерном распределении лингвосенсорных метафор и концептов в дискурсном пространстве их творчества.

В **Заключении** представлены результаты работы, полученные в ходе исследования языковых манифестаций русского и французского писателей, что позволило выявить следующие типологические особенности их личностей:

Борис Леонидович Пастернак.

Перцептивная коммуникация Б.Л. Пастернака отличается рядом признаков с преобладанием следующих типологических признаков:

1. Ольфактонимы: абстрактные запахи, растительные, а также запахи города и сельской местности.

2. Густатонимы:

Вкус по сравнению с другими типами восприятия представлен в творчестве Б. Пастернака наименее полно и ярко, но без осмысления «вкусовой составляющей» описание особенностей вербализации чувственного восприятия в аспекте идиостиля не может считаться завершённым.

Итак, доминирующим признаком языковой личности Б.Л. Пастернака выступает параметр «экспрессивность». Данный признак, выделяемый главным образом при сопоставительном анализе с текстами М. Пруста, манифестируется в предпочтительном использовании авторских нестандартных оборотов. Проанализированные эмпирические данные позволяют говорить о предпочтительной ориентированности русского писателя на родную культуру. Широкая демократизация стиля даёт простор росту индивидуальности творческой свободы поэта, открывает новые способы извлечения художественных средств и творческих приемов из сокровищниц национального языка.

Марсель Пруст.

При изучении лингвосенсорных особенностей художественного дискурса французского писателя получены результаты, отражающие его языковую личность.

Ольфактивная перцепция М. Пруста отличается следующими признаками:

1. Ольфактонимы: растительные запахи, кулинарные и домашние запахи, физиологические запахи.

2. Густатонимы: вкус как преимущественно эстетический объект восприятия, с ярко выраженными физиологическими элементами восприятия.

Доминирующим признаком языковой личности Марселя Пруста выступает категория «импрессионистичность». При этом одновременное обращение к различным органам чувств – зрения и обоняния, слуха и вкуса – для создания единой симфонии ощущений становится ведущим принципом организации пространства художественного дискурса. В романе отмечается «стилистика перцептивного удвоения», ключевая для «обретения времени» в прустовских романах: воспоминание о неповторимости мира внешних ощущений сопровождается безграничным чувством блаженства. Фиксируя впечатление, Пруст превращает его в «алгоритм» внутренних душевных переживаний.

В иллюстративном плане приведём сводную таблицу перцептивных и семиотических доминант художественного дискурса Пастернака и Пруста:

Перцептивная и семиотическая доминанта	Пастернак	Пруст
запах	растительные (сирень, гелиотроп, липа, полевые цветы, полынь), внутренние запахи жилого помещения, атмосферные явления и стихии (дождь, ветер, гром, земля), абстрактные запахи (<i>справедливости, равенства, братства</i>)	растительные (орхидея, роза, цветы боярышника), атмосферные (водных стихий), внутренние запахи жилого помещения (кухня, спальня, гостиная)
аксиология вкуса	горький (пепел, лекарство, вкус ягод рябины), абстрактные вкусы (горькое существование, горькое счастье, горький вкус свободы)	сладкий (пирожное, печенье), вкус блюд и напитков (кондитерские изделия, соки, морепродукты)
перцептивный хронотоп	время подчинено перцептивному пространству	перцептивное пространство подчинено времени
качество манифестации дискурса	экспрессивность дискурса	импрессионизм вербализации перцептосферы
этнопозиционирование перцепции	этноцентричность (русскость)	этноцентричность (французскость)
перцептивный алгоритм коммуникации	бинарный+тернарный	тернарный
интертекстная перцептивность	проза + поэзия (дистантность)	проза + проза (дистантность)

Как видим, наряду с дифференцирующими признаками дискурса рассматриваемых авторов, выделяется ряд объединяющих черт на уровне лингвосенсорики.

Дифференцирующие признаки перцептивной коммуникации.

Расхождения касаются, как правило, специфики использования номинативных средств национальных языков, обусловленное лингвокультурологическими и этнокультурными параметрами коммуникации.

Общие параметры перцепции.

Одним из общих типологических признаков перцептивного дискурса Б. Пастернака и М. Пруста выступает активно функционирующая синестетическая метафора, которая вербально закрепляет межчувственные связи и связана с понятиями «мультиперцептивность» и «мультижанровость». Отметим особую роль художественного хронотопа в произведениях русского и французского писателей, когда время и пространство значимо только лишь тогда, когда оно генерирует творческие способности личности.

Языковой модус экзистенции персониферы и перцептосферы творчества рассматриваемых писателей вербализуется посредством семноконнотативной структуры перцептонимов. Сходство и часто идентичность как, впрочем, и дифференцированность художественных задач исследуемых произведений реализуются в семантических форматах тематики, эмоциональности (экспрессивности) и этнокультурности высказываний, составляющих опорные эпизоды. В основе синтагматического и семиотического и в конечном итоге гипертекстового объединения исследуемых фрагментов текстов двух авторов лежит функционально-прагматический принцип, что позволяет выявлять параметры языковой личности путём анализа механизмов перцептивной номинации в рамках концептуальных конфигураций семантических компонентов.

В плане постановки исследовательских задач целесообразно наметить перспективы дальнейшего изучения языковой личности художников пера. На основе контрастивного анализа коммуникативного поведения в рамках кросс-культурного подхода, представляется возможным выделить дополнительные параметры языковой личности писателей, относящихся к различным школам, направлениям и жанрам.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях

В изданиях списка ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Седых А.П., Куган Е.И. Некоторые элементы индивидуального тезауруса Марселя Пруста // Филологические науки. Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал. – 2011. – № 3 (10). – Тамбов, 2011. – С. 145–147 (0,7/0,35 п.л.).
2. Седых А.П., Куган Е.И. Языковая личность музыканта как фразеологическая проекция // Филологические науки. Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал. – 2012. – № 3 (14) – Тамбов, 2012. – С. 87–90 (0,47/0,23 п.л.).

3. Куган Е.И., Седых А.П. Языковая личность писателя как лингвокультурный аттрактор: Б.Л. Пастернак и Марсель Пруст // Научные ведомости БелГУ, 2014. – Вып. 21, № 6(177). – С. 84–87 (0,47/0,23 п.л.).

4. Седых А.П., Куган Е.И. К вопросу о литературных символах национальной лингвокультуры: Марсель Пруст, Борис Пастернак // Гуманитарные и социальные науки. Северо-Кавказский научный центр высшей школы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону). – 2014. – №6. – С. 177–183 (0,8/0,4 п.л.).

В других изданиях:

5. Куган Е.И. Исследование дискурса в науке о языке // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы IV междунар. науч.-практич. конф. (10 сентября 2012 г.). Москва: Изд. «Международный центр науки и образования», 2012 г. – С. 142–146 (0,23 п.л.).

6. Седых А.П., Куган Е.И. Литературный дискурс как феномен коммуникации и манифестация национальной языкотворческой личности // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: материалы II междунар. науч.-практ. конф. 25-26 марта 2012г, г. Пенза. – Москва. – Решт: Научно-издательский центр «Социосфера». – 2012. – С. 285–288 (0,4/0,2 п.л.).

7. Куган Е.И. Художественный дискурс как объект исследования в лингвистике // Актуальные вопросы современной науки: материалы II междунар. науч.-практ. конф., 31 августа 2012 г., г. Санкт-Петербург. Петрозаводск: ПетроПресс, 2012. – В надзаг.: Науч.-изд.центр «Открытие», 2012. – С. 78–80 (0,35 п.л.).

8. Куган Е.И. Авторская концептосфера и идиостиль // Современные тенденции в образовании и науке: сборник научных трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 31 октября 2013 г.: в 26 частях. Часть 23; М-во обр. и науки РВ. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013. – С. 88–89 (0,12 п.л.).

9. Куган Е.И. Основные элементы индивидуального тезауруса писателя // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: сборник материалов 5-й международной науч.–практ. конф., 14 апр. 2014 г. / НИЦ «Апробация» - Махачкала: Издательство Перо, 2014 г. – С. 75–77 (0,12 п.л.).

10. Куган Е.И. Лексика чувственного восприятия в художественной литературе // Современное общество, образование и наука: сборник научных трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 30 июня 2014 г.: в 9 частях. Часть 3. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2014, – С. 88–89 (0,12 п.л.).

11. Куган, Е.И. Ольфакторные номинантемы романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Образование и наука в современных условиях: материа-

лы междунар. науч.–практ. конф. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. – С. 238–240 (0,2 п.л.).

12. Куган Е.И. Синестетическая метафора романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Международный научно-исследовательский журнал: сборник по результатам XXXII заочной науч. конф. Research Journal of International Studies. (Екатеринбург, 2014) / гл. ред.: А. В. Миллер. – Екатеринбург: ООО «Импекс», 2014. – №10 (29). – С. 74–75 (0,23 п.л.).

13. Куган Е.И. Концепт «запах» в языковой картине мира // Международный научно-исследовательский журнал: сборник по результатам XXXII заочной науч. конф. Research Journal of International Studies. (Екатеринбург, 2014) / гл. ред.: А.В. Миллер. – Екатеринбург: ООО «Импекс», 2014. – №10 (29). – С. 75 (0,12 п.л.).

14. Седых А.П., Куган Е.И. Коммуникативно-когнитивные особенности художественного дискурса и наука о языке // Сетевой журнал «Научный результат». Сер. «Вопросы теоретической и прикладной лингвистики», 2015. – Т.1, №4(6). – С. 61–66 (0,7/0,35 п.л.).

15. Куган Е.И. Художественный текст как способ актуализации языковой личности Бориса Пастернака и Марселя Пруста // Международный научно-исследовательский журнал: сборник междунар. науч.-практ. конференции. Наука сегодня: теоретические и практические аспекты: материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 28 декабря 2016 г.: в 2 частях. Часть 2. – Вологда: ООО «Маркер», 2017. – С. 128–130 (0,2 п.л.).

16. Куган Е.И. Контрасты языковой перцепции писателей Б.Пастернака и М.Пруста // Международный научный журнал: The scientific heritage. – Budapest, Hungary, 2016. – №7 (7). P.2. – С. 65–68 (0,5 п.л.).

17. Куган Е.И. Литературные символы Франции и России // Magyar Tudomány Journal. – Budapest, Hungary, 2017. – №3. – С. 14–16 (0,35 п.л.).